

ЗАГАДОЧНЫЙ И СВОБОДНЫЙ

Нервниша газета, - 2000, - 6 окт - с. 7

Екатерина Сальникова

ЮОЗАС БУДРАЙТИС — один из тех актеров, которые создали эпоху позднего советского кино. Театральные работы Будрайтиса тоже незаурядны и удивительно разноплановы — от Ленина в «Синих конях на красной траве» до шекспировского Ричарда II, ибсеновского Строителя Сольнеса и чеховского Соленого. Но прежде всего Будрайтис вошел в историю как живой киносимвол умонастроений и даже моды заката советского государства.

Самое важное Будрайтис доносит до аудитории совсем не благодаря перевоплощению. Он вообще воздействует не экспрессией игры, а *значительностью* пребывания в кадре или на сцене. Кажется, что идеальный герой у Будрайтиса мог бы всегда молчать. Главное, чтобы он был там, в художественном мире произведения. Когда Будрайтиса снимали в маленьких ролях, режиссеры использовали его талант не только быть органичным, но придавать статус доподлинной реальности еще и всей среде, которая окружает персонажа (недаром Будрайтис не кончал ни гитисов, ни, кажется, других театральных школ). Предлагали ему то роль короля французского («Король Лир» Козинцева), то Рунге («Карл Маркс, молодые годы»), то Берлиоза («Никколо Паганини»), то маленькие ролики в «Европейской истории», «Легенде о Тиле» и многих других картинах, режиссеры тем самым интуитивно выбирали актера, способного уверить зрителя в «настоящести» экранного мира.

В интервью Будрайтис неоднократно жаловался, что ему выпало переиграть практически все возможные типы иностранцев в советских картинах — от фашистов до коммунистов из капиталистических стран, от золотоискателей до миллионеров и так далее. (Все помнят фильмы «Щит и меч», «Бархатный сезон», «Жизнь прекрасна», «Миллионы Ферфакса», «Богач, бедняк» и т.д.) Однако это не курьез биографии литовского актера, но историческая закономерность. Будрайтис пришел в кино в то время, когда у советского человека нарастала тоска по западной жизни и западной красоте. Что, естественно, приводило к увлечению экранизациями зарубежных авторов, к отечественному и «совместному производству» фильмов о всяких зарубежных странах (иногда вымышленных), о тамошней борьбе против исторического капитализма, фашизма и современного империализма. Не нарушая идеологических рамок, советское искусство находило повод погрузиться в реалии зарубежья и объяснить в любви к жизни по ту сторону железного занавеса.

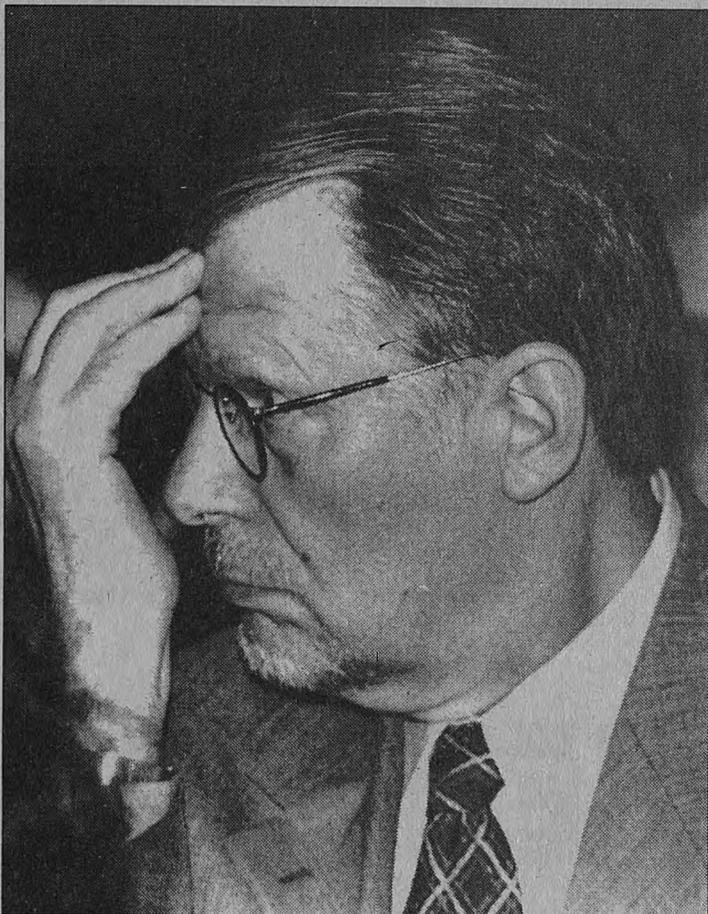
Так вот, Будрайтису не надо было играть иностранца. Он им был. Не по документам — по внутреннему самоощущению. Человеком из Прибалтики советский уклад не мог восприниматься как безальтернативная реальность, которая сродни природной (при всех ее недостатках) форме бытия. И в Будрайтисе присутствовало генетическое чувство субъективной внутренней свободы — от советской идеологии и государства. Ему при-

ходилось играть людей, по-разному соотносящих себя с разной властью. Но везде он представлял персону, сознающую прежде всего свою изначальную личную автономность и самоценность. (Именно эта независимая позиция сделала столь успешными роли и инспектора Гула в одноименной картине по Пристли, и адвоката Перри Мейсона в фильме «Все против одного» по роману Гарднера.)

Будрайтис приносил на экраны западный индивидуализм в его северном, несколько аскетичном варианте. Стагная фигура, уверенная пластика и несуетное поведе-

ступными для всеобщего обозрения.

В отличие от русских актеров, для которых нет ничего важнее эмоционального самовыражения, Будрайтис тяготеет к противоположной эстетике. Его героям важно осмысливать происходящее. Долгий и тяжелый взгляд Будрайтиса будто направлен в глубь окружающего пространства в стремлении извлечь оттуда сущность событий и людей. Герои Будрайтиса видятся людьми, у которых в жизни всегда есть дело поважнее самокопания и исповедальности. Кажется, что если бы Будрайтис

Взгляд Юозаса Будрайтиса направлен в глубь окружающего пространства.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

ние волевого (упертого?), умного героя. В манерах героев Юозаса Будрайтиса была особая небрежность, выдающая полную раскомплексованность и уважение к правам внешней формы. Кажется, что герои актера не замечали ни своих очевидных достоинств, ни недостатков, никак не рефлектируя по поводу внешнего облика. При всех данных идеального мужчины, Будрайтис никогда не выражал эйфорию человека, спешащего жить чувственными наслаждениями. И это лишь добавляло ему обаяния.

Неулыбчивость, крайняя мимическая скупость, общая сумрачность и недосказанность у Будрайтиса оказывались интереснее, чем живость и исчерпывающая внятность рисунка у многих прочих. Нежелание героев выворачивать себя наизнанку невольно ставило «крест» на российско-советском коллективизме и общности в решении проблем души и частной жизни. Игра актера предполагала неприкосновенность внутреннего мира, право не всеми переживаниями делиться, оставляя их недо-

играл Войницкого в «Дяде Ване» Чехова, зрители без натяжек поверили бы в то, что этот человек мог бы стать и Шоленгауэром, и Достоевским. И лейтмотивом роли оказались бы упущенные возможности сделать что-то незаурядное.

Этот явно прочитывавшийся пафос самоосуществления не имел, кстати, ничего общего со службой и обслуживанием какого-либо правительства или партии. Будрайтис хорошо вписался бы в западный кинематограф, будучи «готовым» политиком-одиночкой; частным детективом, частным агентом, привыкшим к риску и любящим принимать решения самостоятельно. Адекватной роли, которая воплощала бы эту внутреннюю концепцию личности, у Будрайтиса, возможно, и не было, поскольку такие роли даже по сей день остаются не слишком актуальными для отечественного кино. Он существует в нашем сознании как бы поверх своих конкретных работ. И остается актером, который еще в советские времена сумел показать как выглядит свободный человек. ■